

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	4
---------------------------	---

ГЛАВА 1

Теоретические основания применения переводческих трансформаций в решении лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода

1.1 Лингвотипологические проблемы китайско-русского перевода	9
1.2 Лингвокультурные проблемы китайско-русского перевода	37
1.3 Трансформационный аспект классических и современных концепций и моделей перевода	65
Выводы по главе 1	88

ГЛАВА 2

Практическое исследование трансформационного аспекта китайско-русского перевода

2.1 Методика проведения практического исследования переводческих трансформаций в китайско-русском переводе.	92
2.2 Анализ применения переводческих трансформаций для решения лингвотипологических проблем китайско-русского перевода (на материале общественно-политического, военно-политического и художественного дискурсов)	100
2.3 Анализ применения переводческих трансформаций для решения лингвокультурных проблем китайско-русского перевода (на материале общественно-политического, военно-политического и художественного дискурсов)	120
2.4 Сопоставительный анализ применения переводческих трансформаций для решения лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода	145
Выводы по главе 2	155

<i>Заключение</i>	159
<i>Список литературы</i>	164
<i>Приложение 1</i>	174
<i>Приложение 2</i>	202

ВВЕДЕНИЕ

Перевод в паре языков «китайский и русский» в последнее время становится все более востребованным в силу увеличивающихся контактов между Россией и Китаем, появления новых проектов сотрудничества, как в гражданской, так и в военной сферах. В этой связи закономерными становятся растущие требования к смысловой функции перевода в указанной языковой паре.

Сопоставительное изучение языков является одним из актуальных направлений современного языкознания, позволяющим выявить как общие черты исследуемой пары языков, так и их структурные различия.

С другой стороны, изучению объективации элементов культуры в языке посвящается все больше научных исследований, результаты которых подтверждают, что сопоставительное изучение не только структурных аспектов языков, но и их культурной составляющей, то есть лингвокультур, также имеет немаловажное значение для повышения качества лингвистического обеспечения широкого международного и, в частности, межгосударственного сотрудничества.

Типологические особенности языковых систем, равно как и национальные различия лингвокультур, не могут не оказывать влияние на процесс и результат переводческой деятельности. Они обуславливают наличие соответствующих проблем в переводе. При этом весьма интересным представляется вопрос о том, как эти проблемы решаются в процессе перевода. Одним из наиболее эффективных способов решения переводческих проблем являются переводческие трансформации.

Следует также отметить, что понимание сути процесса перевода и особенностей применения переводческого инструментария (переводческих трансформаций) остается важнейшей проблемой для теории и практики переводческой деятельности. Решение проблем перевода, обусловленных межъязыковыми различиями на разных уровнях, является детерминантой теоретических изысканий многих ученых-лингвистов, имеющих целью определить и выстроить основы переводческого процесса. На сегодняшний день существует немало различных концепций и моделей перевода, которые при этом не отрицают, но дополняют друг друга.

При достаточной разработанности теоретических основ перевода на материале европейских языков, данное направление в паре языков «китайский и русский» остается малоизученным. При том что попытки системного подхода к решению этой проблемы применительно к языковой паре «китайский и русский» были сделаны довольно давно, еще в 70-е годы прошлого века В. А. Ростовцевым.

В контексте необходимости качественного лингвистического обеспечения международных отношений России и Китая, в том числе их межгосударственной составляющей, проблема неразработанности ряда аспектов частной теории перевода в паре языков «китайский и русский» стоит особенно остро.

Исходя из вышеизложенных фактов, **цель** нашего исследования можно сформулировать следующим образом: *выявление закономерностей применения переводческих трансформаций в решении лингвотипологических и лингвокультурных проблем в китайско-русском переводе.*

Достижение указанной цели предполагает постановку и решение следующих **задач** исследования:

- 1) определить критерии сопоставления языков различной типологии, выделить релевантные для перевода типологические различия между китайским и русским языками;
- 2) определить параметры выявления особенностей китайской лингвокультуры, описать характерные формы их выразительной объективации;
- 3) выявить и обобщить характер переводческих проблем, обусловленных типологическими и лингвокультурными различиями китайского и русского языков;
- 4) провести сравнительное изучение существующих моделей и концепций перевода в аспекте предлагаемых в них классификаций переводческих трансформаций и уточнить понятия «способ», «метод», «прием» перевода и «переводческая трансформация»;
- 5) на материале сопоставительного анализа пар текстов на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ) (общественно-политического, военно-политического и художественного дискурсов) верифицировать переводческую релевантность выделенных межъязыковых различий и лингвокультурной специфики китайского языка, установить их функциональное единство как проблем перевода, определить трансформационные пути их преодоления в китайско-русском переводе;
- 6) сформулировать характерные трансформационные закономерности китайско-русского перевода.

В ходе исследования мы опирались на ряд общенаучных, специальных методов и методов количественного анализа. Также мы опирались на личный переводческий опыт и на экспертное мнение исследователей в области перевода.

Так, **теоретическую базу нашего исследования** составили:

- фундаментальные научные положения и теоретические исследования китайского языка: (В. М. Солнцев, В. И. Горелов, И. М. Ошанин, О. И. Завьялова, И. Д. Кленин, А. Л. Семенас, Н. В. Солнцева, М. В. Софронов, Н. А. Спешнев, М. Г. Фролова, В. Ф. Щичко, И. Б. Думкова, Люй Шусян, Ши Динсюй, Лю Янь, Чжан Циньсян, Юй Лимин, Я Жупин);
- теоретические положения грамматики русского языка (А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский, Н. Ю. Шведова, В. А. Кулакова, Ю. М. Науменко, С. В. Смирнова, Т. В. Шустикова);
- научные труды в сфере китайско-русского межъязыкового сопоставления (В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева, В. Ф. Щичко, Е. А. Красина, Чжао Юньпин, Хэ Хуа);
- научные основы взаимосвязи языка и культуры, теоретические подходы к сравнению дистантных культур с помощью культурных универсалий, а также концепции и научные положения в области межкультурной коммуникации (А. Вежицкая, В. В. Воробьев, Г. В. Елизарова, О. А. Корнилов, В. В. Красных, О. А. Леонтович, В. А. Маслова, А. П. Садохин, Т. Л. Гурулева, В. И. Тхворик, Н. Ю. Фанян, В. И. Хайруллин, Е. Ю. Бутенко, М. А. Федоров, Чжэн Чжилян, Чжан Цянь);
- теоретические основы в области лингвоконцептологии, научные исследования в сфере сопоставительного изучения концептов и прецедентных феноменов русской и китайской лингвокультур (В. И. Карасик, О. А. Корнилов, В. В. Красных, В. П. Нерознак, Т. Н. Бурукина, С. Г. Воркачев, И. В. Каминская, В. А. Ленинцева, Т. С. Медведева, И. С. Просвирнина, А. С. Черноусова, О. В. Чибисова, В. Ф. Щичко, Ван Хунвэй, Суй Синь, Ци Цике, Чжан Цянь, Чжуан Шэн`и, Ян Фан);
- теоретические исследования и идеи в области изучения языковых картин мира, национального менталитета и национальной психологии китайцев (О. А. Корнилов, Н. А. Спешнев, Тань Аошуан, М. В. Рубец);
- теории, модели и концепции перевода, а также научные исследования в сфере общего и частного переводоведения (В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. Г. Гак, Л. С. Бархударов, Э. Н. Мишкuroв, Я. И. Рецкер, В. А. Ростовцев, В. И. Хайруллин, А. Д. Швейцер, В. Ф. Щичко).

В итоге научного исследования нами были успешно доказаны следующие положения, важные для частной теории перевода в паре языков «китайский и русский»:

1. Проблемная область китайско-русского перевода охватывает все уровни китайско-русского межъязыкового сопоставления и определения лингвокультурной специфики китайского языка. Проблемную значимость для перевода могут представлять различия китайского и русского языков на структурно-синтаксическом (структура словосочетания и предложения),

лексико-грамматическом (семантика и морфология слова) и фонографическом (звучание и написание слова и морфемы) уровнях, а также особенности построения китайскоязычного дискурса. Поэтому критерием сопоставительного анализа китайского и русского языков может выступать характер отношений между единицами разных языковых уровней, а критерием определения лингвокультурной специфики китайского языка — характер объективации китайской культуры в языке и речи. Предложенные критерии позволили определить и классифицировать основные типы лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода.

2. Анализ оригинального и переводного материала показал, что переводческие трансформации не всегда применяются для решения проблем перевода. Доля индивидуальных авторских трансформаций составляет около 20% случаев, остальная часть переводческих трансформаций обусловлена объективными лингвотипологическими и лингвокультурными проблемами перевода. Большой удельный вес в китайско-русском переводе приходится на переводческие трансформации, вызванные типологическими различиями двух языков (около 80%), меньшая часть — на трансформации, обусловленные лингвокультурной спецификой китайского языка (около 20%).
3. Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показывает, что основным типом переводческих трансформаций при решении лингвотипологических проблем китайско-русского перевода в большинстве случаев выступают грамматические трансформации, относящиеся к более высоким структурно-синтаксическому и грамматическому уровням (морфология слова) сопоставления китайского и русского языков. Очень редко в этом случае используются комплексные лексико-грамматические трансформации. Применение лексических трансформаций для решения лингвотипологических проблем не характерно. Грамматические трансформации чаще всего представлены заменой типов словосочетания и предложения, а также заменой членов предложения и частей речи.
4. Переводческие трансформации, применяемые для решения лингвокультурных проблем, имеют более разнообразный характер и, в основном, относятся к более низким лексическому и, крайне редко, фонографическому уровням определения лингвокультурной специфики китайского языка, нередко несущим более значимую и масштабную лингвокультурную нагрузку, реже — к структурно-синтаксическому уровню и особенностям построения китайскоязычного дискурса. При решении лингвокультурных проблем в большей половине случаев используется лексический тип трансформаций (преимущественно транскрипция), далее примерно в равных долях идут лексико-грамматические трансформации (преимущественно описательный перевод) и грамматические трансформации (замена частей речи, типов словосочетания и предложения и др.).

5. Уровневый анализ применения разных типов переводческих трансформаций позволяет установить уровневое соотношение лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода. Лингвотипологические проблемы перевода в основном проявляются на более высоких структурно-синтаксическом и грамматическом уровнях (структура словосочетания и предложения, морфология слова). Лингвокультурные проблемы перевода в значительной мере проявляются на более низких лексическом и, гораздо реже, фонографическом уровнях, единицы которых могут нести значимую смысловую нагрузку (семантика слова, дискурсивные и культурные коннотации на уровне фонографической специфики слова и др.), а также в особенностях построения китайскоязычного дискурса. В значительно меньшей степени лингвокультурные проблемы перевода проявляются на структурно-синтаксическом уровне: в использовании нескольких специфических типов топиковых структур китайского предложения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РЕШЕНИИ ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ КИТАЙСКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА

1.1 Лингвотипологические проблемы китайско-русского перевода

Рассмотрение вопроса о лингвотипологическом аспекте перевода не представляется возможным без обращения к лингвистической типологии.

В современном мире насчитывается до пяти тысяч языков, включая различные диалекты внутри одного языка [Вендина, 2001: 260]. Кроме изучения всего этого языкового многообразия, современное языкознание занимается также и классификацией языков.

Существует несколько видов классификаций, основанных на разных принципах. Среди самых распространенных можно выделить генеалогическую классификацию (по принципу языкового родства), типологическую (по принципу сходства и различия грамматического строя), географическую, или ареальную (по месту распространения языка).

«Типологическая классификация языков — это классификация, устанавливающая сходства и различия языков в их наиболее важных свойствах грамматического строя (не зависящих от их генетического родства) с целью определения типа языка, его места среди других языков мира» [Вендина, 2001: 262]

В рамках типологической классификации также выделяется несколько ее видов, в зависимости от того, на какое грамматическое свойство сделан акцент при распределении языков по типам.

Так, можно выделить следующие виды типологической классификации:

- морфологическая, которая была первоначально сформулирована братьями Шлегелями, а дальнейшую разработку получила в трудах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1985], А. Шлейхера [Шлейхер, 1865];
- классификация В. М. Солнцева [Солнцев, 1995];
- системологическая концепция Г. П. Мельникова, составленная по принципу языковых детерминант [Мельников, 2003];
- классификация Ч. Ли и С. Томпсон, которые выделяли 2 пограничных и 2 переходных синхронных типа языка — топиковые, подлежащные, ни-топиковые, ни-подлежащные и одновременно и подлежащные, и топиковые [Ли, Томпсон, 1982].

Основной типологической классификацией является морфологическая, сложившаяся в европейском языкознании в XIX в. Согласно ей характеристики языку даются в соответствии с доминирующим типом словоизменения, то есть способом соединения морфем, для выражения того или иного грамматического значения. В классическом виде, согласно этой схеме, языки мира могут быть условно разделены на изолирующие, основным признаком которых является неизменяемость слов, агглютинирующие, в которых для словообразования и словоизменения используются аффиксы, флективные, в которых существует возможность изменения корня за счет внутренней флексии, и инкорпорирующие (полисинтетические), принцип инкорпорации в которых основан на включении в состав глагольной формы особых слов-аффиксов.

Однако не все ученые придерживаются концепции морфологической классификации и идеи разделения языков на 4 типа. Так, В. М. Солнцев в конце XX века предложил классификацию языков мира по принципу синтаксической связи слов. Ученый выделяет два макротипа — «изолирующие» и «неизолирующие» или «формосвязывающие» и «формоизолирующие» [Солнцев, 1995: 18], внутри каждого макротипа в соответствии с морфологическими особенностями выделяются различные типы.

Структурно классификацию В. М. Солнцева можно представить так:

I макротип — неизолирующие (формосвязывающие) языки:

- 1) флективные;
- 2) агглютинативные;
- 3) инкорпорирующие;

II макротип — изолирующие (формоизолирующие) языки:

- 1) агглютинативные;
- 2) агглютинативные с элементами флексии;
- 3) языки «почти» без морфологии [Солнцев, 1995: 12].

Китайский язык по классификации В. М. Солнцева находит свое место среди изолирующих языков агглютинативного типа, в то время как русский язык относится к неизолирующим флективным языкам.

С целью выявления лингвотипологических проблем в китайско-русском переводе считаем необходимым проанализировать межъязыковые различия между единицами языковых уровней китайского и русского языков.

В обоих макротипах набор языковых единиц одинаков, это фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Кроме того, В. М. Солнцев добавил к сопоставительному анализу двух макротипов такую фонетико-фонологическую единицу как слог, поскольку в китайском языке из-за морфологической значимости слога деления эта единица играет важное значение.

Фонема в понимании европейского языкознания имеет две основополагающие функции, смысловозначительную и смысловыразительную [Солнцев, 1995: 15] и русский язык в этом плане относится к языкам фонемного строя, как и большинство индоевропейских языков.

У отдельного звука (по В. М. Солнцеву — звукофонемы) китайского языка очевидно в полной мере проявляется только функция смыслоразличения. В ряде слов 党 *dǎng* «партия», 糖 *táng* «сахар», 帮 *bāng* «помощь», 狼 *láng* «волк» начальные согласные звуки (инициали) разные при одинаковых финалях, в чем и проявляется смыслоразличительная функция отдельных звуков. Смысловыразительная же функция в китайском языке закреплена за слогом. Так, Е. Н. и А. А. Драгуновы пишут: «в китайском языке минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение... является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог, силлабема» [Драгунов, Драгунова, 1995: 58]. То есть китайский язык по данному принципу относится к языкам слогового строя:

- 表扬 *biǎoyáng* «поощрять» / 飘扬 *piāoyáng* «развеваться» (противопоставленные согласные, придыхательный b- и непридыхательный p-);
- 专家 *zhuānjiā* «специалист» / 庄稼 *zhuāngjia* «посевы» (противопоставленные носовые сонанты -n и -ng).

Таким образом, в устном переводе существует трудность распознавания слогов в потоке речи, отличающихся одним начальным согласным звуком (придыхательным или непридыхательным) или одним конечным согласным звуком (переднеязычным или заднеязычным), которые играют смыслоразличительную роль.

Слоги в языках двух макротипов также имеют свои особенности. Самой явной отличительной чертой китайского слога является наличие тона. Тон является частотной характеристикой слога, его мелодической окраской [Спешнев, 1980: 16]. Китайский язык в данном аспекте относится к тональным или политоническим языкам, которые в свою очередь противопоставляются атональным монотоническим, к которым относится русский язык [Науменко, 2010]. В контексте фонологической классификации актуально упомянуть также и проблему типологии ударения. В русском языке ударение динамическое квантитативное (количественное), в китайском языке «ударение проявляется главным образом в длительности финали ударного слога» [Спешнев, 1980: 71]. Различие заключается в том, что в китайском языке в словах, состоящих из двух и более слогов, ударение могут получать не один, а несколько слогов, различным может быть степень их ударности (сильноударные слоги, слабоударные слоги, безударные слоги), а часто бывает, что слоги в двусложных словах с полными тонами являются равноударными [Думкова, 1969: 193].

Еще одной отличительной чертой китайского слога, в сравнении с русским, является фиксированность структуры слога. В китайском полносоставном слоге на первом месте всегда стоит согласный звук, за ним следует неслогообразующий гласный, далее всегда идет слогообразующий гласный, и на четвертой позиции находится конечный полугласный или носовой сонант (переднеязычный или заднеязычный) [Спешнев, 1980: 8; Фролова, 1978: 64]. Из этого следует и другая особенность китайского языка — ограниченность количества слогов.

В неизолирующих языках простые слова и морфемы не совпадают с границами слогов, и носителями смысла в них могут быть как сами слоги, так и отдельные звуки, а также их сочетания, но в языках изолирующего строя деление на слоги совпадает с делением на морфемы, и сам слог «регулярно является носителем смысла» [Солнцев, 1995: 49].

Совпадение слогов в границах с морфемами, а также ограниченное количество слогов в китайском языке приводит к развитию омонимии.

Омонимия в китайском языке бывает двух видов [Хэ Хуа, 1997: 8]. Омонимы первого типа — морфемы, одинаковые по написанию и звучанию, но разные по значению, то есть омографы, например 花 huā «цветок» и 花 huā «тратить», 仪表 yíbiǎo «внешний вид» и 仪表 yíbiǎo «измерительный прибор». Омонимы второго типа имеют одинаковое звучание, но разные написание и значение — омофоны, например: 教 jiào «преподавать» и 交 jiāo «передавать», 外貌 wàimào «внешний облик» и 外贸 wàimào «внешняя торговля». В то время, как в русском языке омонимы бывают трех типов [Словарь лингвистических терминов, 2010]. Первые два типа, омографы и омофоны совпадают с типами омонимов в китайском языке. Так, слова *брак* — «женитьба» и *брак* — «некачественный продукт» относятся к числу омографов, а слова *рок* — «судьба» и *рог* — «костное образование на голове некоторых животных» являются омофонами. К третьему типу омонимов в русском языке относятся омоформы — слова, совпадающие только в отдельных формах, например *вина* — «проступок» (именительный падеж, единственное число) и *вина* (форма родительного падежа единственного числа слова «вино»). Данный тип омонимии в китайском языке отсутствует.

Тонированность китайского слога создает в устном переводе трудность распознавания тоновой характеристики слогов в потоке речи, что приводит к сложности смыслоразличения односложных слов и морфем в составе сложных слов (как омонимичных с разной тоновой характеристикой, так и не омонимичных). Другой тип словесного ударения создает трудность в установлении степени ударности слогов в многосложных словах, что играет смыслоразличительную роль в устном переводе, например: 地道 — dìdào (1 слог слобоударный, второй слог сильноударный — «подземная дорога, туннель»); dìdao (1 слог сильноударный, второй слог безударный — «настоящий, подлинный»).

Фиксированное строение слога, ограниченное количество слогов и типов слогов, а также возможность слогов выступать в качестве сонем и нонем [Солнцев, 1995: 49], то есть быть выразителями морфемных и словесных значений, является причиной большой омонимии морфем и простых слов, а также омонимии сложных слов, что в свою очередь порождает трудность распознавания значений омонимичных морфем в сложном слове и омофоничных односложных и двусложных слов в устном переводе. Наличие омографических иероглифических знаков создает в письменном переводе трудность распознавания одинаковых по написанию единиц.

Морфемы в китайском языке часто называют слогоморфемами, так как слоговое деление в нем совпадает с морфологическим членением, то В. И. Горелов выделяет 2 типа морфем: знаменательные и служебные (по В. М. Солнцеву — вещественные и грамматические). Последние делятся на словообразовательные и формообразовательные [Горелов, 1989: 17]. На уровне морфем сходным для обоих языков является понимание морфемы, как «синтаксически несамостоятельной единицы языка, обладающей либо вещественным, либо грамматическим значением [Солнцев, 1995: 64].

Различным является принцип соотношения морфемы и простого слова в изолирующих и неизолирующих языках. Для изолирующих языков это важно в силу того, что в них намного больше неизменяемых слов, с которыми вещественные морфемы сближены по ряду свойств. Основным, но не абсолютным принципом отделения слов от морфем будет, исходя из «понимания» морфемы, принцип синтаксической самостоятельности или несамостоятельности. В русском языке этот принцип соблюдается довольно четко, поскольку части слов, корни, основы, вне лексической оболочки не могут свободно употребляться как самостоятельные слова.

В изолирующих же языках между самостоятельными (простые слова) и несамостоятельными (морфемы) единицами, лежит пласт «полусамостоятельных» (по В. М. Солнцеву) единиц, которые «занимают промежуточное место между морфемами и словами» [Солнцев, 1995: 71]. Так, в китайском языке среди самостоятельных односложных слов, например, односложное слово 人 «человек», имеются такие, которые ограничены в своем употреблении. Так, слово 屋子 «комната» (屋 «комната» + 子 «суффикс предметности») в односложной форме 屋 свободно употребляться не может, но если к ней добавить послелог 里 «внутри», то данная единица уже будет обладать полной синтаксической самостоятельностью: 进屋里来 «входить в комнату» (букв. входить + комната + внутри + сюда). В процессе устаревания лексической единицы происходит ее смещение от самостоятельной к полусамостоятельной и далее к несамостоятельной. В русском языке слово при архаизации не сближается с морфемами, оно «архаично лексически, но современно морфологически и синтаксически» [Солнцев, 1995: 84]. Так, у А. С. Пушкина в стихотворении «Пророк» читаем:

*«...Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он...»*

Мы видим, что архаизмы «перстами», «зениц» употребляются совершенно свободно в качестве самостоятельных слов. Отсюда можно сделать вывод, что «морфологически богато оснащённые» (по В. М. Солнцеву) слова во флективном русском языке при устаревании сохраняют свою самостоятельность, их звуковое разнообразие препятствует синтаксическому ослаблению, а слова «со скудной морфологической информацией» в таких языках, как китайский, пе-

реходя в разряд архаизмов в следствие появления современного слова с эквивалентным значением (首 уст. «голова» — 头 совр. «голова», 目 уст. «глаз» — 眼睛 совр. «глаз», 木 уст. «дерево» — 树 совр. «дерево»), постепенно теряют способность к самостоятельному использованию и переходят в разряд морфем [Солнцев, 1995: 85].

Еще одна особенность морфем китайского языка проявляется в их способности «оживляться», то есть переходить из категории морфем и служебных слов в разряд вещественных слов и морфем. В. М. Солнцев называет такие морфемы «невыделимыми», по той причине, что после выделения из состава слова, они теряют признаки «морфемности» и восстанавливают качество самостоятельных единиц [Солнцев, 1977: 255]. Так, мы можем утверждать, что в китайском языке преобладают невыделимые морфемы, тогда как для русского языка наоборот наиболее характерны выделяемые морфемы.

Итак, общей чертой морфем в изолирующих и неизолирующих языках можно назвать их синтаксическую несамостоятельность. Разница заключается в том, что морфемы в формосвязывающих языках кроме самостоятельности, теряют еще и понятийный характер значения, сохраняя лишь ассоциативный характер значения. Так, морфемы бел-, черн- сами не выражают конкретных понятий, но в сознании носителей ассоциируются с определенным кругом понятий — белизна, белый, белеть, чернота, чернозем, чернеть и др. В свою очередь морфемы в китайском языке понятийный характер сохраняют, так мы знаем, что 木 — это *дерево*, 目 — это *глаз*.

Фиксированное строение слога и ограниченное количество слогов и их типов, а также совпадение границ слогов и морфем, образуют в многосложном слове «фонетический шов», создающий трудность определения границ слова и отграничения простого слова от морфемы многосложного слова в потоке речи в процессе устного перевода.

В письменном переводе данная проблема выражается в том, что на письме слогоморфема записывается иероглифом (словесно-слоговой тип письма). Иероглифическое письмо не имеет пробелов между словами, слогоморфемы, записанные иероглифами, следуют друг за другом на одинаковом расстоянии.

Приступая к рассмотрению вопроса о сравнении категории слов в формоизолирующих и формосвязывающих языках, прежде всего мы хотим отметить, что основной и общей проблемой для всех типов языков, похоже, является проблема выделения слова, его отграничения от единиц других, нижестоящих и вышестоящих, уровней языка. Стоит заметить, что в формоизолирующих языках эта проблема стоит более остро.

Из четырех типов слов, выделяемых в языках мира, а это — простые, производные, сложные слова и слова-повторы, согласно В. М. Солнцеву в формоизолирующих языках встречаются все типы, но преобладают все-таки простые и сложные, поэтому далее мы остановимся именно на этих двух типах.

В. М. Солнцев предлагает следующее определение простого слова: это «такое слово, которое содержит не более одного корня и не включает в свой состав словообразовательный аффикс» [Солнцев, 1995: 132].

Простое слово в китайском языке совпадает в границах с морфемой и, как правило, односложно. Простые слова могут быть изменяемыми и неизменяемыми в языках обоих макротипов.

Изменяемых простых слов в формоизолирующих языках достаточно, но количество форм этих слов ограничено. В китайском языке к данному типу простых слов относятся глаголы, которые изменяют свою форму за счет видо-временных суффиксов 了, 着, 过:

- 我看了那本书 — «Я прочитал ту книгу» (суффикс 了 — указывает, что единичное действие имело место в определенное время в прошлом и что оно завершено [Горелов, 1989: 56]);
- 外面还下着雨呢 — «За окном все еще идет дождь» (着 — указывает, что действие имеет место в момент речи и что оно, протекая непрерывно, превратилось в длящееся действие [Горелов, 1989: 58]);
- 我看过那本书 — «Мне доводилось читать ту книгу» (过 — указывает, что единичное или повторяющееся несколько раз действие имело место в неопределенное время в прошлом и что оно завершено до данного момента [Горелов, 1989: 57]).

Что касается существительных, то только существительные, обозначающие лица, и личные местоимения могут иметь форму множественного числа, образуя с помощью суффикса -们:

- 他不认识我 — «Он не знает меня»;
- 他不认识我们 — «Он не знает нас»;
- 朋友来看我 — «Друг пришел проведать меня»;
- 朋友们来看我 — «Друзья пришли проведать меня».

Если проводить сравнение с русским языком, как представителем формосвязывающих языков, то главное различие здесь заключается в характере изменения слов. Для русского языка характерен фузионный тип изменения [Реформатский, 1987: 52–76], сущность которого заключается в формальном взаимопроникновении контактирующих морфем, при котором становится невозможной их линейная сегментация [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990], а в китайском языке «морфология имеет агглютинативный характер» [Солнцев, 1995: 133], для которого свойственно присоединение к корню или основе, сохраняющим стабильный звуковой состав, однозначных аффиксов, при этом их границы с корнем-основой отчетливы [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Сложное слово — это слово, имеющие в своем составе не менее двух полнозначных основ, образующих структурно-семантическое единство [Большая советская энциклопедия, 1972].

Сложные слова в китайском языке по большей части двуморфемны, а следовательно, двусложны.

Основной проблемой в языках формоизолирующих и формосвязывающих является проблема выделимости сложных слов и отличия их от словосочетаний. Главной причиной данного феномена является общность синтаксических функций слов и словосочетаний.

Основным критерием отнесения единицы к классу сложных слов является отношение между ее компонентами. Если такие отношения не являются аналогами синтаксических отношений, то мы имеем дело именно со сложным словом. Примером таких слов могут послужить слова китайского языка, образованные в результате морфемной контракции: 北京大学 — 北大 «Пекинский университет». Подтверждение тому, что это уже новые слова, а не сокращения старых, находим у А. Л. Семенас: «Частота употреблений данных образований, постоянное замещение ими полной формы приводит к превращению их в слова. Они предпочтительнее для говорящего, чем полная форма. Многие из подобных сокращений уже перестают восприниматься как таковые» [Семенас, 1992: 31]. Слова такого типа И. Д. Кленин и В. Ф. Щичко предлагают называть специальным термином — сложносокращенные слова — «структурный тип сложного слова, который образуется в результате морфемной контракции» [Кленин, Щичко, 2013: 133]. Морфемы в таких сложносокращенных словах употреблены не в своих вещественных значениях, а относятся к тем понятиям, чьими сокращениями являются. Так, 北大 (букв. «север + большой») никакого отношения к «размеру севера» не имеет. 北 это сокращение от 北京 «Пекин», 大 — от 大学 «университет». Аналогичную картину наблюдаем и с сокращениями в русском языке, особенно, когда они оформляются флексиями, подобно слову МИД в словосочетаниях *представители МИДа*, *в МИДе заявили* и т.д.

Китайский исследователь Я Жупин по вопросу отличия сложных слов от словосочетаний пишет: «Если в составе лексической единицы есть морфема, которая не может употребляться самостоятельно (полусвободные морфемы или несвободные морфемы), например: 速 «скорость» из 速度 «скорость», 兴 «радоваться» из 高兴 «радоваться», то мы имеем дело с сложными словами, а если же каждая морфема из состава лексической единицы может употребляться свободно в любой языковой ситуации, то статус этой лексической единицы определяется следующими двумя способами:

- 1) в первую очередь необходимо установить тип связи между двумя компонентами: если отношения между иероглифами или морфемами определяется формулой A + B, то перед нам словосочетание, если нет — сложное слово, например: 马路 «дорога» — отношения между морфемами 马 «лошадь» и 路 «дорога» не сочинительного характера, тогда как в 牛羊 «коровы и овцы» морфему 牛 «коровы» дополняет морфема 羊 «овцы». Поэтому 马路 это сложное слово, а 牛羊 — словосочетание;

- 2) необходимо определить, можно ли между компонентами вставить служебное слово типа 的、和. Если вставить можно, то данную лексическую единицу следует относить к разряду словосочетаний, если нет — к словам. Например, хотя отношения между морфемами 批 «критиковать» 评 «критиковать» в слове 批评 «критика» реализуются по формуле А + В, но никогда нельзя сказать 批和评, поэтому 批评 является сложным словом, а в случае с 饭菜 «еда» можно сказать 饭和菜 (букв. «вареный рис и овощи»), следовательно перед нами словосочетание» [Я Жупин, 2001].

Сложные слова в китайском языке по структуре могут быть похожими на словосочетания, но они отличаются семантически [Красина, Ли Сяогэ, 2017; Юй Лимин, 2000]. Например:

- 1) 来人 (букв. «приходить + человек») — «вестник, посыльный» — сложное слово;
- 2) 来的人 (букв. «приходить + атрибутивное служебное слово 的 + человек») — «пришедший человек» — словосочетание.

Кроме того, что количество морфем во втором примере фактически больше, чем в первом, другим важным критерием отнесения 来人 к категории слов является ассинтаксичность отношений между его компонентами [Солнцев, 1995: 167]. Так, глагол 来 «приходить» на синтаксическом уровне в позиции определения обязательно оформляется атрибутивным служебным словом 的. За счет изменения в характере отношений между словами «связь между складываемыми единицами морфологизуется» [Солнцев, 1995: 170] и данное слово уже нельзя относить к категории словосочетаний. Такой путь образования сложных слов называется лексикализация словосочетаний. Между компонентами таких сложных слов сохраняются отношения, подобные отношениям между отдельными словами в словосочетании, однако образованные новые слова уже употребляются как единое семантическое целое, порой даже с несколько измененным значением [Кленин, Щико, 2013: 94].

В целом, мы можем обозначить следующие области отличия сложных слов от словосочетаний в русском и в китайском языках:

- 1) в области фонетики: в русском языке слова произносятся без паузы и имеют одно сильное ударение: короткая + шерсть = короткошёрстный; в китайском языке образование сложного слова может сопровождаться появлением нейтрального тона (东西 (букв. «восток + запад») dōngxī — словосочетание «восток и запад»; dōngxī — сложное слово «вещь») либо могут тонироваться оба слога (大衣 dàyī (букв. «большой + одежда») — «пальто»);
- 2) в области морфологии: в русском языке корни объединяются посредством соединительных морфем или записываются через дефис: воздух + плавание = воздухплавание; в китайском языке корнеслоги сочетаются напрямую;

- 3) *в области синтактики*: в китайском языке синтаксические связи между компонентами сложных слов являются аналогами типов словосочетаний (5 типов / биномов) [Солнцев, 1995: 168]; в русском языке отношения между компонентами либо сочинительные, либо подчинительные. Атрибутивному типу в китайском языке соответствуют подчинительный определительный тип в русском, глагольно-объектному — подчинительный дополнительный тип, копулятивному типу соответствует сочинительный. Глагольно-результативный и субъектно-предикативный типы сложных слов в русском языке отсутствуют [Хэ Хуа, 1997];
- 4) *в области графики*: в русском языке сложные слова пишутся слитно, или через дефис: красное знамя = краснознаменный (за исключением слов типа «дом офицеров»), словосочетания — раздельно. В китайском языке все иероглифы пишутся на одинаковом расстоянии друг от друга;
- 5) важное отличие между сложными словами в формосвязывающем русском языке и формоизолирующем китайском состоит, по нашему мнению, и в *способах образования сложных слов*.

Сложные слова в русском языке образуются следующими четырьмя способами [Русская грамматика, 1980: 138–139]:

- 1) сложение — при таком способе последний опорный компонент представляет собой полноценное слово, а предыдущий — основа в чистом виде: *лес + полоса = лесополоса; научный + исследовательский = научно-исследовательский*;
- 2) смешанный способ словообразования — сложение в сочетании с суффиксацией: *земля + тряска = землетрясение; равный + значение = равнозначный*;
- 3) сращение — слова, образованные таким способом, по морфемному составу идентичны словосочетаниям: *сильно + действующий = сильнодействующий*;
- 4) аббревиация — данный способ словообразования включает в себя все типы сложносокращенных и сокращенных образований, например: СССР, вуз, партком, гороно и др.

В китайском языке, кроме упомянутых выше лексикализации словосочетаний и морфемной контракции (аббревиации), В. И. Горелов выделяет также такие способы образования слов, как словосложение, аффиксация и полуаффиксация, префиксация, суффиксация [Горелов, 1984]. Способ словосложения включает в себя несколько моделей, которые выделяются на основе характера синтаксической связи между компонентами.

Китайские исследователи выделяют следующие способы словосложения (соответствуют словообразовательным моделям, выделяемым отечественными учеными, в терминологии И. М. Ошанина — «биномам») [Ошанин, 1946]:

- 1) определение / соподчинение (бином «А») — атрибутивный: 工厂 (букв. «рабочий + фабрика») — «завод»;
- 2) сложение / параллельное сочетание (бином «В») — копулятивный: 朋友 (букв. «друг + друг») — «друг»;
- 3) управление (бином «С») — глагольно-объектный: 吸烟 (букв. «вдыхать + дым») — «курить»;
- 4) дополнение (бином «D») — глагольно-результативный: 听见 (букв. «слушать + воспринимать») — «слышать»;
- 5) субъект + предикат (бином «Е») — субъектно-предикативный: 年轻 (букв. «год + легкий») — «молодой» [Чжан Циньсян, Лю Янь, 2008].

Таким образом, что касается способов образования, в русском и китайском языках есть как общие способы (словосложение, аббревиация), так и различные (сращение, смешанный способ в русском языке, отсутствующие в китайском).

Проводя сопоставительный анализ категории слов в китайском и русском языках, можно заключить, что значимым в контексте проводимого исследования является вопрос, связанный с частями речи, с принципами их выделения, функционирования, свойствами.

Критериев выделения частей речи три: морфологический, лексико-семантический и синтаксический. В языках с развитой морфологией нет никакой трудности определить по внешним морфологически признакам, к какому классу относится то, или иное слово, в китайском языке при его «невысокой морфологизированности» (по В. М. Солнцеву) это сделать практически невозможно, за исключением случаев с формообразующими глагольными суффиксами (了、着、过), суффиксом множественного числа местоимений и существительных-лиц (们), а также словообразовательных суффиксов и полусуффиксов существительных — 子, 家, 手, 员 и др., наречий — 然, 地, 头, прилагательных — 切, 当 и др. [Горелов, 1989: 33–65].

Ключевым критерием отнесения слова к соответствующей части речи в китайском языке является синтаксический [Горелов, 1989: 29].

Одной из важных проблем частей речи в китайском языке является проблема принадлежности одного и того же слова к разным категориям. Данное явление среди китайских лингвистов называется по-разному: 词类活用 «свободное употребление частей речи»; 一词多类 — «одно слово — много частей речи»; 活用分类 — «раздельная отнесенность слова при свободном употреблении».

У китайского слова изначально есть предрасположенность употребляться в одном или нескольких частеречных значениях. Можем заметить, что данная «предрасположенность» зафиксирована в любом словаре китайского языка, где часть речи указывается прямо в словарной статье перед описанием значения слова:

翻译 (动) — 把一种语言文字所表达的意义转换成另一种语言文字表达出来 — *«переводить (гл.) — трансформировать смысл, выражаемый в устной или письменной форме на одном языке, в устный или письменный текст на другом языке»;*

翻译 (名) — 指从事翻译工作的人 — *«переводчик (сущ.) — человек, занимающийся переводом»* [Большой словарь китайского языка, 1993].

Какая именно синтаксическая функция проявится у отдельного слова в конкретной ситуации, напрямую зависит от частеречной принадлежности другого слова, с которым оно вступает в синтаксическую связь [Солнцев, Солнцева, 1986].

Как отмечает В. М. Солнцев, у китайских слов можно выделить основные частеречные функции и неосновные, с той разницей, что для выполнения основных функций к слову не применяется никаких ограничений, в то время как для выполнения неосновных функций может потребоваться наличие, например, специальных служебных слов [Солнцев, 1995: 223].

Так, существительное, выполняя основные функции, может быть подлежащим, дополнением (прямым и косвенным; последнее, в основном, сочетается только с предлогом), определением (притяжательное определение, как правило, оформляется 的):

老师给学生介绍了中国的历史 — *«Учитель рассказал ученикам об истории Китая»*, где 老师 «учитель» — подлежащее, 学生 «ученик» — косвенное дополнение, 中国 «Китай» — определение, 历史 «история» — прямое дополнение.

К неосновным функциям существительного относят употребление в качестве составной части именного сказуемого со связкой 是 «быть, являться», редко без таковой:

我朋友是老师 — *«Мой друг учитель»*, где 老师 «учитель» является именной частью сказуемого.

К основным функциям глаголов в китайском языке относятся функции глагольного сказуемого и «глагольного дополнения» (по В. М. Солнцеву) при модальных глаголах:

我学习汉语 — *«Я учу китайский язык»*, 学习 — сказуемое «учить»;

我想喝茶 — *«Я хочу попить чай»*, где глагольное словосочетание 喝茶 «пить чай» можно рассматривать в качестве «глагольного дополнения» к модальному глаголу 想 «хотеть».

Функции подлежащего, дополнения и именной части сказуемого с частицей 的 в субстантивирующей функции являются для глагола неосновными:

学习很不容易 — *«Учиться очень нелегко»*, в данном предложении глагол 学习 выступает в функции подлежащего;

去不去在于你 — *«Идти или нет — зависит от тебя»*, глагольное словосочетание 去不去 «идти или нет» является подлежащим.

Следующей отличительной особенностью формоизолирующих языков в сравнении с формосвязывающими является практическое отсутствие сло-

воизменения как такового, за исключением упомянутых выше формообразовательных суффиксов 了, 过, 着, 们. Так, китайские слова не имеют грамматических категорий рода (за исключением личных местоимений 3-го лица единственного числа в письменном языке), числа и падежа; глаголы не имеют спряжений (то есть не изменяются по лицам и числам), так при сочетании с местоимениями 1, 2 и 3 лица форма глагола не меняется: 我学习 «Я учусь», 你学习 «Ты учишься», 他们学习 «Они учатся». Во всех трех случаях глагол 学习 «учиться» остается неизменным. Кроме того, глаголы также не имеют и категории наклонения.

В русском языке грамматическая категория рода свойственна разным частям речи и соотносится с признаками пола или их отсутствием. В русском языке традиционно выделяются 4 рода: мужской, женский, средний и общий [Шведова, 1989: 167]. Категория рода характерна для существительных, местоимений, прилагательных, глаголов, причастий. Однако для существительных род является постоянным признаком, по которому они классифицируются, а для других частей речи род — это словоизменительная категория, по которой слова изменяются для согласования с существительными в предложении [Шустикова, Кулакова, Смирнова, 2014].

Категория рода в русском языке выражается грамматическими, лексическими и словообразовательными средствами [Шведова, 1989]. К грамматическим средствам относятся морфологические (различные флексии единственного числа: забор, окно, девушка) и синтаксические (проявляются у согласуемых частей речи — глаголов, прилагательных и причастий: высокий забор; высокая девушка; высокое дерево).

Лексические средства обозначения рода проявляются на уровне слов, обозначающих лиц и животных, например: отец — мужской род, мать — женский род; баран — мужской род, овца — женский род. К числу словообразовательных и формообразовательных средств относятся различные суффиксы, окончания, указывающие на отнесенность к соответствующему роду, например: студент — мужской род, студентка — женский род.

Грамматическая категория рода в китайском языке присуща только личным местоимениям 3 лица и закрепляется она только графически, в фонетическом плане отличия нет, и на слух род определяется по контексту: 他 tā «он», слева пишется графема 亻 «человек», 她 tā «она», слева пишется графема 女 «женщина», 它 tā «оно» (употребляется для обозначения животных и неодушевлённых предметов, подобно английскому it).

Хотя грамматическая категория рода у существительных отсутствует, род имен существительных при необходимости, продиктованной коммуникативной задачей, выразить все-таки возможно, но в отличие от русского языка, где выражение рода существительных, глаголов, прилагательных происходит в результате процесса словоизменения, в китайском языке выразить род можно лишь у существительных, причем осуществляется это с помощью словоо-

бразовательных полупрефиксов. Так, слово 学生 «*учащийся*» может означать и студента, и студентку, 猫 «*кошка / кот*» - и кота, и кошку. При необходимости обозначить род к словам, обозначающим людей, приписываются морфемы 男 «*мужчина*» и 女 «*женщина*» для отнесения к мужскому и женскому роду соответственно: 男学生 — «*студент*», 女学生 — «*студентка*». Для этих целей к животным приписываются морфемы 公 «*самец*» и 母 «*самка*»: 公猫 — «*кот*», 母猫 — «*кошка*» [Курдюмов, 2005: 209].

Грамматическая категория числа в неизолирующих языках свойственна словам различных частей речи (существительным, глаголам, прилагательным и др.), форма числа одного слова при этом меняется в зависимости от формы числа сочетающегося с ним слова, например: «хорошая книга», но «хорошие книги». В китайском языке форма числа присуща только личным местоимениям и существительным категории лиц. У других частей речи грамматическая категория числа отсутствует, например 好书 (букв. «хорошо + книга») — «*хорошая книга*» и «*хорошие книги*».

Для китайского языка, в отличие от русского, при использовании морфологических показателей, указывающих на число и другие грамматические категории, характерен принцип «избыточности», как основной критерий факультативности данных показателей [Солнцев, 1995: 242]:

1. 我跟朋友+们去看电影 — «*Я с друзьями иду смотреть фильм*»;
2. 他+们都是我朋友+0 — «*Они мои друзья*».

В примере 2 суффиксом множественного числа оформлено подлежащее — личное местоимение 他们 «они», к тому же имеется служебное слово 都 «все», поэтому формообразующий суффикс 们 со словом 朋友 «друзья» в данном предложении не употребляется.

В таблице 1 представлены сравнительные характеристики грамматических категорий частей речи в русском и китайском языках:

Таблица 1

Грамматические категории частей речи в русском и китайском языках

Части речи	Грамматические категории в русском языке	Грамматические категории в китайском языке
Существительное	- род — классифицирующая; - число — словоизменительная; - падеж — словоизменительная;	- род — отсутствует; - число — множественное число существительных категории лиц, суффикс -们 — словоизменительная; - падеж — отсутствует;

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru